

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТУВИНЦЕВ, СВЯЗАННЫЕ С ЮРТОЙ

С. Ч. Донгак

УДК 94(47)

В данной статье автор впервые в отечественной историографии освещает некоторые вопросы, связанные с сакральными аспектами тувинской юрты: месторасположение, внутреннее расположение, внутреннее убранство юрты.

Ключевые слова: традиционное жилище тувинцев, внутреннее убранство юрты, месторасположение.

Основным видом жилища у тувинцев, как и у других тюрко-монгольских кочевников, являлась юрта – *өг*, история которой насчитывает несколько столетий. Данный вид жилища народов Центральной Азии зафиксирован в китайских источниках, относящихся еще к I в. н. э. [1, с. 10].

Сакральность тувинского жилища начинается уже с его месторасположения. Известно, что типом поселения тувинских кочевников являлся *аал* – сосредоточение нескольких юрт. При установке их учитывался рельеф местности и очертания ближнего горизонта. Основным критерием выбора места являлся доступный для обозрения горизонт. В одних местах, если на дальнем горизонте между складками гор имелась расщелина, дверной проем юрты ставили чуть наискосок от неё, полагая, что, открывая дверь по направлению к расщелине, можно упустить благополучие семьи. В других местах перед дверным проемом должен был быть объект – холм или дерево, т. е. то, что «удерживало» бы богатство и благополучие семьи. Это надо было учитывать еще и потому, что в теплое время года дверь юрты практически всегда бывала открытой. Следует сказать, что еще в начале XX в. дверной проем закрывался куском войлока. В теплое время года и светлое время суток он сворачивался в рулон и завязывался в верхней части проема, поэтому дальний горизонт всегда был в поле зрения у людей. Единым воззрением для всех тувинцев было то, что дверь юрты

нельзя ставить перед рекой, полагая, что с течением воды может уйти благополучие семьи.

Представления относительно объектов перед дверным проемом носили, таким образом, местный характер. Однако при установке юрты, учитывавшей части света, это имело общее значение, хотя у части тувинцев и оно подверглось переосмыслению. В основном тувинцы придерживались древнетюркской традиции, ориентируя дверной проем в сторону восхода солнца – на восток. Исключение стали составлять южные тувинцы, которые переориентировались на юг. Связано это было с распространением буддизма. Для буддистов на юге находились священный Тибет, Далай-Лама, Панчен-Лама, Богдо-Геген... Таким образом, направление дверного проема и местоположение юрты закладывали начало сакрального содержания жилища у тувинцев. Кроме этого, юрта естественным образом должна была вписываться в рельеф местности, не нарушая его природной гармонии.

Другим моментом было то, что юрта главы общины всегда ставилась несколько обособленно. Тувинцы с первого взгляда безошибочно угадывали ее. Юрта, где проживали родители, а она, как правило, считалась главной, в отдельных местах называемая *улуг өг* – «большая юрта», в смысле «главная юрта», ставилась несколько обособленно от других. Кроме того, главная юрта, в отличие от других жилищ, располагалась дальше от загонов для скота.

Внутри самого жилища сакральность принимала характер практического порядка. Так, юрта тувинцев, как и у других тюрко-монгольских кочевников, условно делилась на женскую (правую от входа) и мужскую (левую от входа) части (в этнографической литературе принято рассматривать внутреннее расположение юрты именно так – от входа). На женской половине находилась кровать – *орун*, ниже нее, ближе к двери, – шкаф – *үлгүүрге*, в котором хранилась кухонная утварь. На мужской половине юрты содержали объемные подвешенные кожаные мешки для молочного продукта – *хойтпак*, различный домашний скраб – *чүк* – одеяла, одежду и пр. Следует отметить, что традиционно в этой части юрты не было кровати, она появилась только в 30–40 гг. XX в. Ниже скраба, т. е. ближе к двери, держали конское снаряжение, отдельные орудия труда. Кроме того, весной, во время приплода скота, на этой же части содержали молодняк мелкого рогатого скота. Посторонний человек, вошедший в юрту, всегда проходил и проходит до сих пор на левую, т. е. мужскую, половину и никогда – на правую.

Исключение в этом плане имеет внутреннее расположение юрты жителей в одном из районов юго-западной части Тувы – Монгун-Тайги. Там в правой от входа части юрты располагается мужская половина с соответствующими для этого атрибутами – домашним скрабом, конским снаряжением и т. д. В левой части – женская половина – с кроватью и посудой, т. е. зеркальная противоположность расположения вещей, чем во всей остальной Туве. Такое расположение вещей приводит в замешательство любого человека, прибывшего из других местностей Тувы и впервые переступившего через порог юрты монгун-тайгинца. Он, как правило, в растерянности останавливается на пороге. На наши многочисленные расспросы информантов о причине такого положения вещей в юрте никто не смог ответить, говоря, что это традиция монгун-тайгинцев. Ответ, на наш взгляд, можно увидеть на примере тувинцев сумона Ценгел в соседней Монголии. По словам уроженца тех мест Б. Баярсайхана, перемена мест в юрте

на несколько дней производилась в случае смерти ребенка. По истечении этих дней все вещи возвращали к исходному положению. Так же поступали, к примеру, и туркмены-иомуты, човдуры и текинцы. У них в том случае, если «...в семье часто умирали мужчины или хозяйка юрты была бездетна и страдала какой-нибудь болезнью, допускалась перемена местами мужской и женской половинами юрты» [2, с. 159]. Можно предположить, что в основе традиции монгун-тайгинцев лежали подобные же причины. Известно, что у народов, объединенных едиными историческими корнями (в данном случае тюркоязычных), древние традиции в архаической форме иногда сохраняются у каких-либо групп. У жителей Монгун-Тайги это могло быть тем самым случаем, когда перемена вещей в чьей-либо юрте привела к положительному результату, например, в семье перестали умирать люди. В таком случае другие люди могли последовать их примеру. Постепенно это могло войти в традицию, об изначальных причинах которых современные монгун-тайгинцы забыли. Утверждая это, мы учитываем еще и тот факт, что у тувинцев было принято «путать следы» перед нечистой силой, которая разными способами вредила людям.

Следует отметить, что в основе деления юрты на мужскую и женскую половины (и более сакрального порядка), по большому счету, лежало предписание поведения людей в данном пространстве. Оно, как правило, было основано на запретах различного порядка. Ограничения относительно поведения людей в юрте начинались не только с социального статуса человека, родственных и неродственных отношений, но и различия по полу. Посторонние люди – соседи и путники – всегда проходили в левую от входа часть, т. е. в мужскую половину юрты. В Монгун-Тайге, как было сказано, – в правую от входа часть. Почетных гостей хозяева приглашали в почетную часть юрты – *дөр* (об этом будет сказано ниже). Предписано было даже местоположение хозяев, хотя их перемещение в юрте было свободным. Так, местом главы семьи была почетная часть жилища, противо-

положная от двери, называемая *дөр*. Место жены, матери, малолетних детей – на женской половине юрты. Детям не возбранялось сидеть и на отцовском месте, однако только в отсутствии посторонних людей.

Особо строгие правила предписывали поведению невестки в юрте у родителей мужа. В их жилище невестка могла находиться только на женской половине и никогда – на ее почетной части – *дөр*. Кроме того, ей запрещалось поворачиваться спиной к домашнему очагу, поэтому при выходе из юрты она должна была пятиться назад. Соответственно поведению невестки, свекор в юрте сына не имел права проходить на женскую, в данном случае невесткину, половину.

Деление юрты на женскую и мужскую половины и поведение людей в жилище, таким образом, было регламентировано, однако особенно сакральными и по этой причине требующими к себе особого отношения были три места: порог – *эргин*, очаг – *от* и почетная часть – *дөр*. Почетным, называемым *дөр*, как было сказано выше, считалось место, противоположное от двери. Для тувинцев в целом это обозначало «высокое место». Следует сказать, что это тюркское слово, с различными вариациями существующее и у других тюркоязычных народов. По мнению исследователей, оно происходит от древнетюркского глагола *торумек/тору*, обозначающего «закон», «положение» [3, с. 167]. В тувинском языке слово *төре* обозначает «общество», «государство». И хотя в бытовом использовании для тувинца термин *дөр* обозначает «почетное (высокое) место [в юрте]», а *төре* – «государство», нет сомнения в том, что это однокорневые слова. Таким образом, в смысле «высокое место» данная часть юрты предполагает и «государственное» место. Место, которое может занимать только глава семьи (или могут находиться дети) и, по желанию хозяев, – гости-мужчины или почетная гостя-женщина. Следует сказать, что тувинцы и в современных домах сохранили это понятие, и гостей, как правило, приглашают словами: *дөрже эртиңер* – «пройдите в *дөр* [выше]», имея в виду «высокое место» в помещении, т.

е. на сиденье (стул, кресло или диван), расположенное, на их взгляд, в почетной части комнаты.

В начале XX в. в почетной части *дөр* у тувинцев находился буддийский алтарь – *Бурган ширээзи*. Алтарей, поставленных в ряд, могло быть и до трех, о чем свидетельствуют не только наши пожилые информанты, но и, к примеру, дореволюционные фотоснимки. По буддийским традициям, центральный алтарь обязательно полагался Будде, по обеим сторонам – другим божествам. На них соблюдались все полагающиеся атрибуты: бронзовые или позолоченные статуэтки Будды – *Бурган Башкы*, других божеств, подношения, священные тексты – сутры и т. д. Тувинскую элиту от простых людей отличало не только классическое содержание алтаря, но и богатство его атрибутов и подношений. Бедные люди в качестве алтаря использовали традиционные расписные сундуки, устанавливая изображения буддийских божеств на центральном из них. По левую сторону от алтаря (т. е. на женской, правой, половине, выше кровати) находились и другие священные для тувинцев объекты, как, например, оберег *амырга-моос* – кукла наподобие дракона. Там же находилась детская колыбель – *кавай*, которую держали в подвешенном состоянии за верхние балки юрты. Таким образом, *дөр* для тувинца – это высокое не только в его расположении в юрте, но и астральном уровне место.

Особым объектом, который не просто почитали, но и для которого устраивали специальный обряд поклонения, был домашний очаг. Культ огня, как известно, существовал у всех народов мира. Для тувинцев огонь содержал в себе понятие – *от чаякчы* – «огонь-создатель». В этом сжатом, но емком представлении и проявлялось отношение к нему. Почитание его начиналось с чистоты содержания домашнего очага – в огонь нельзя было кидать мусор, остатки пищи, детям – плевать в него и т. д. Ежедневная трапеза в тувинской юрте начиналась с того, что хозяйка юрты клала в огонь небольшие кусочки нетронутой никем пищи. Однако нежелательным было то, чтобы из кипящего котла убежало, поскольку

предполагалось, что хозяину очага не нравятся шипящие звуки и запахи пригоревшей пищи, кроме тех случаев, когда совершался специальный обряд его кормления. Кроме того, такие запахи не должны были исходить из сакрального, центрального, места жилища. Однако во время проведения обряда *от дагыыр* – «поклонение огню», устраивавшегося осенью, когда в достатке была молочная и мясная пища, т. е. в сытное время года, запахи сытости (в огонь клали топленое масло и жирные куски мяса), исходящие из центрального места юрты, были желательны.

Еще одно наделенное тайным значением место тувинского жилища – это порог – *эргин*. Отношение к порогу начиналось с того, что через него можно было только переступить и ни в коем случае не спотыкаться и тем более садиться на него, что нередко делали малолетние дети, которых тут же сгоняли с порицанием. Подобное отношение к порогу существовало, как известно, и у других тюрко-монгольских кочевников. У тувинцев отношение к домашнему порогу имело двойное содержание. По одному из них, на порог нельзя было наступать или садиться, потому что под ним обитало некое существо, которое при небрежном обращении с ним может навредить семье. По другому значению, на порог нельзя было наступать, потому что благое и доброе привлекали чистота и беспрепятственность, поэтому он должен был находиться в безупречном состоянии. Поскольку через порог в семью могло прийти как благополучие, так и плохое (болезни, нищета и пр.), дверной проем в целом (в том числе и порог) укрепляли не только защитными, но и приносящими удачу символами. Так, в охранных целях по левую сторону от входа вешали ветку караганника и топор, значение которых в целом понятно. Караганник как кустарник с острыми колючками и особенно с красным стволом для тувинцев имел отпугивающее значение для потусторонних сил. Представление подобного характера, что злые духи боятся колючих кустарников, существовало, к примеру, и у алтайцев [4, с. 145]. Топор также имел устрашающее значение для невидимых врагов.

Для призывания благополучия и сытости над верхним косяком двери вешали бедренную кость овцы. Она являлась символом благополучия и сытости. Следует отметить, что выше-названные защитные обереги, особенно топор, вешали первые несколько дней наступившего Нового года по лунному календарю или же на месте нового кочевья, затем убирали. Однако некоторые хозяева веточку караганника и кость могли постоянно держать возле двери. Таким образом, порог и вместе с ним дверной проем в целом для тувинцев были объектами, требовавшими к себе внимательного отношения.

Другой сакральной точкой жилища тувинцев был верхний проем юрты, игравший роль своеобразного окна – *өреге*. Он был продолжением куска войлока, которым покрывали верхнюю, дымовую, часть юрты со специальными веревками на конце для закидывания и снятия его с купола. Роль *өреге* заключалась в том, что через этот проем в юрту проникал дневной свет. Издревле у тувинцев полагалось, чтобы на рассвете первой в семье вставала женщина и открывала этот кусок войлока. У проснувшегося в юрте человека взгляд, таким образом, в первую очередь упирался в небо, поэтому вхождение его в окружающее пространство начиналось с неба. По причине того, что *өреге* и вместе с ним верхняя часть жилища у тувинцев в целом ассоциировались с небом, купол юрты также наделался сакральным содержанием. Так, имелись приметы, которые считались неблагоприятными при обращении с верхней частью юрты. Например, если на верхнюю часть юрты вскакивала собака или овца, это считалось дурным знаком, и животных сразу умерщвляли – собаку пристреливали, а овцу резали на том месте, откуда она прыгнула на юрту. В быту ленивых хозяев, вернее хозяйку, высмеивали тем, что *өреге* она открывает после восхода солнца. Под этим не просто понималось то, что хозяйка ленива, а то, что юрта на какое-то время оставалась в темном, замкнутом мире. Для тувинца это обозначало потерю в начале дня связи с окружающим пространством.

Говоря о сакральности тувинской юрты, следует сказать в целом об отношении тувин-

цев к своему жилищу. Так, согласно тувинскому мифу, юрта имела небесное происхождение [5, с. 83]. И хотя сама юрта являлась результатом человеческого ума и труда, благо-

дарность кочевников своему жилищу приписала ей такое происхождение. Таковы в самом кратком и общем виде воззрения тувинцев на свое жилище.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюков, М. В., Курылев, В. П. К ранней истории юрты (по китайским источникам III в. до н. э. – XIII в. н. э.) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 2000.
2. Оразов, А., Чарьев, Д. Некоторые верования туркмен, связанные с юртой (XIX – начало XX века) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 2000.
3. Толеубаев, А. Юрта в представлениях и обрядах казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 2000.
4. Кыпчакова, Л.В. К вопросу о культуре деревьев у алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983.
5. Мифы, легенды, предания тувинцев. – Новосибирск, 2010.